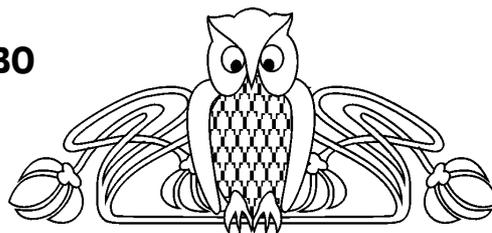

- global and knowledge-based economy», подготовленном Европейской комиссией «Employment & social affairs» в 2002 г. (Брюссель, 2002). Перевод автора – А.С.
- ² См.: Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*. 2001. №3. С. 122.
- ³ Эта ситуация отражается в разговорной речи: «плыть по течению», «попасть в струю», «встать на конвейер», «шагать в ногу», «быть как все» и др.
- ⁴ Мета... (гр. Мета...) – вне, за пределами.
- ⁵ Недостаток исследований этой проблемы в том, что внимание сосредотачивается не на индивидах – представителях социальной структуры общества, а на индивидуальных характеристиках.
- ⁶ См.: *Общественные науки и современность*. 2003. №2. С.12.
- ⁷ См.: «Social capital...». С. 91.
- ⁸ Понятно, что плотность доверия воспринимается интуитивно, поэтому «неосвязаемость» данного понятия затрудняет исследование группового социального капитала, особенно когда оно переходит в практическую плоскость.
- ⁹ О том, что виртуальный финансовый рынок явно завышает цену акций компаний, действующих в области высоких технологий, свидетельствуют резкие колебания и тенденция к снижению индекса NASDAQ.
- ¹⁰ Существенные наблюдения о многообразии социальных сетей в условиях неопределенности сделаны Р. Роузом. См.: Роуз Р. Достижение целей в квазисовременном обществе: социальные сети в России // *Общественные науки и современность*. 2002. №3.
- ¹¹ Булгаков С.Н. *Философия хозяйства*. М., 1987.
- ¹² Вернадский В.И. *Размышления натуралиста*. Кн. 2. М., 1977.
- ¹³ Общеупотребительной стала характеристика информационного технологического уклада как глобального. В строго научном смысле к глобальным процессам относится эволюция Вселенной. Объекты, находящиеся во Вселенной, претерпевают локальные эволюции. Исходя из собственного пространства, занимаемого информационным технологическим укладом, его можно назвать мирохозяйственным, интернациональным.
- ¹⁴ См.: Дюкин И.Е. Социальный капитал в глобальной экономике // *Общественные науки и современность*. 2003. №5.

УДК 334.012.023 (470) (09)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО КАК ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИЗНАК РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Г.А. Черемисинов

Саратовский государственный университет,
кафедра экономической теории и национальной экономики
E-mail: Cheremisinov@hotmail.ru

В статье анализируются закономерности эволюции экономики России под влиянием государственного предпринимательства.

Governmental Entrepreneurship as Typological an Attribute Development of Economy of Russia: Theoretic-Methodological Aspect

Г.А. Cheremisinov

In clause the laws of evolution of economy of Russia under influence of Governmental Entrepreneurship are analyzed.

В экономической науке нет пока устоявшегося, общепринятого понимания тенденций развития российского хозяйства. Имеются разные оценки роли государства в социально-экономической жизни нашей страны. Изучение отечественного государственного предпринимательства как типологического признака закладывает предпосылки для создания единой, внутренне непротиворечи-

вой концепции развития российской экономики в рамках индустриальной истории – на протяжении последних полутора веков.

В научном исследовании государственного предпринимательства возможно использование ряда теоретико-методологических предпосылок. Прежде всего, государство – это полноправный, самостоятельный субъект хозяйственной деятельности, участник целой системы экономических отношений. Важнейшим средством достижения его политико-экономических целей является государственное предпринимательство, т.е. непосредственное участие государственной власти в хозяйственной жизни страны, связанное с использованием имеющейся казенной собственности и источников ее пополнения. К государственному предпринимательству обычно относят казенное производство, торговые монополии, займы и субсидии, поступление и расходование средств бюджета.

Экономические функции государства многообразны. Властные структуры присваивают на основании публичного права часть доходов населения в виде налогов, пошлин, сборов и других повинностей. Это – безвозмездное, некви-

валентное присвоение казной определенной доли общественного продукта. Средства, собранные путем изъятия части национального дохода, могут использоваться для такого же безвозвратного расходования.

Кроме того, государство выступает субъектом обычных рыночных отношений. Государственные учреждения в различных отраслях действуют как производители и продавцы своей продукции, как покупатели чужих товаров. Административно-хозяйственная система предстает в роли заемщика на кредитном рынке, когда берет в долг денежные средства у частных лиц и организаций. Казначейство рассчитывается по своим обязательствам аналогично другим должникам. Коммерческие отношения предполагают равный, на основе гражданского права, товарно-денежный обмен, оплату приобретаемых благ и услуг. Между двумя обозначенными крайностями располагается целый спектр хозяйственных отношений государства по привлечению и использованию средств, с различной степенью эквивалентности (возмездности).

Таким образом, частно- и публично-правовая хозяйственная деятельность государства составляют неотъемлемый, органический компонент социально-экономической жизни страны. Более того, концепция государства-хозяина предполагает не столько разделение, сколько совмещение в его предпринимательской инициативе забот о пополнении казны с регулированием экономики в собственных интересах. Поэтому с хозяйственной деятельностью переплетаются функции государственного управления: организация кредитно-денежного обращения, законодательное установление налоговых платежей, регулирование режима внешнеэкономических связей, регламентирование цен, тарифов, условий найма рабочей силы.

Объединяющей основой государственного предпринимательства служит бюджет. Именно размеры и характер обращения бюджетных ресурсов определяют первенство государства во всей экономической системе страны. Государство стремится повседневно приумножать свои финансовые возможности, как и всякий иной субъект хозяйствования. Правда, рассматривать государственные структуры в виде единого субъекта можно лишь с известными оговорками.

Власть представлена многочисленным слоем служащих, образующих иерархию управления. Между отдельными группами управленцев объективно, в силу их принадлежности к разным ведомствам, существуют противоречия. При распределении финансовых потоков на каждом уровне административно-хозяйственного руководства преодолеваются разногласия заинтересованных сторон. Право окончательного использования государственных ресурсов

передается в руки частных лиц, коммерческих и некоммерческих организаций. Государственное предпринимательство объединяет в одну систему всех, хозяйничающих за счет казначейства. Так образуется сводный субъект экономической деятельности с расплывчатыми границами, но с ярко выраженным общим интересом: доступом к ресурсам бюджета. Деятельность государства, связанная с использованием казенной собственности и источников ее пополнения, может быть охарактеризована как предпринимательская, поскольку ей движет мотив расширения кругооборота контролируемых хозяйственных ресурсов.

Понимание государства как хозяина традиционно для отечественной экономической мысли. В частности, об этом толковал сто лет тому назад представителям российской императорской династии С.Ю. Витте, после чего и был назначен премьер-министром страны.

Главный финансист, отвечавший за экономическое развитие державы, С.Ю. Витте считал объединяющим началом государственного хозяйства бюджет (казну) и синонимами понятия «финансовое хозяйство» и «государственное хозяйство»¹. Он говорил, что разнообразная хозяйственная деятельность, приносящая государству доходы, ведется на основе норм права. Частно-правовые доходы «власти предержащие» получают в виде доходов от собственных имуществ (лесов и земель) и в виде промысловых доходов от принадлежащих казне промышленных предприятий и капиталов. В этих случаях государство выступает в качестве частного хозяйства, подчиняясь действию законов конкуренции, издержек производства и прочих экономических законов, изучаемых политической экономией. При получении общественно-правовых доходов государство выступает в качестве хозяина общественного, с принудительным характером. К общественно-правовым доходам относятся регалии (доходы) от промысловой деятельности государства, поставленной в монопольные условия, пошлины и налоги².

Мудрый хозяйственник точно отразил противоречивость интересов и приоритетность целевых установок государственного предпринимательства. С.Ю. Витте писал: «Хозяйство государственное, преследуя выгоды государственной казны, подчиняется в своих действиях высшим интересам охраны народного благосостояния, а потому должно отказываться от фискальных выгод, идущих вразрез с преуспеванием народного хозяйства, спешествование которому составляет одну из важных задач современного государства. С другой стороны, государственное хозяйство может преследовать цели гораздо более отдаленные... может производить такие расходы, выгоды от которых

наступят лишь в сравнительно очень отдаленном времени»³.

Постановка вопроса о государстве-предпринимателе содержится в трудах современника С.Ю Витте – немецкого социолога М. Вебера. Широкий взгляд автора объединил социологические, политические и экономические аспекты проблемы. М. Вебер указывал на превращение политики в предприятие, а чиновной бюрократии в самый могущественный социальный слой населения страны⁴. Оригинальный мыслитель писал: «В мирное время государство является крупнейшим предпринимателем и самой могущественной инстанцией, господствующей над налогоплательщиками. В военное время оно обладает безграничным правом пользоваться всеми доступными ему хозяйственными ресурсами страны. Современная рационализированная форма государственного предпринимательства позволила в ряде областей достичь таких результатов, которые оказались бы, конечно, немислимыми ... для каких-либо иных общественных совместных действий»⁵.

Взгляды М. Вебера по-своему отразились в современных институциональных концепциях. Объединение договорной (контрактной) теории государства и теории выбора в рыночной экономике позволило выдвинуть теорию «общественного выбора», в основе которой лежат три элемента: методологический индивидуализм, концепция «человека экономического» (*homo economicus*) и концепция политики как обмена. Такой синтез послужил «мостом» между индивидуальным расчетом и групповыми решениями, между экономикой и политикой. Теория коллективного выбора, объясняющая согласование отдельных индивидуальных интересов через механизм торговли или обмена, была распространена на исследования в области правительственной политики.

Теории рыночного обмена и фирмы применяются для объяснения мотивов поведения бюрократов и законодателей. По мнению одного из основоположников теории «общественного выбора» Дж.М. Бьюкенена, «в рамках заданных ограничений бюрократ пытается максимизировать свою собственную полезность. Он не отличается в этом отношении от других людей. Трудно ожидать, что он будет продвигать некие неясно определенные «общественные интересы» до тех пор, пока они не будут согласовываться с его собственными»⁶.

Э.Б. Аткинсон и Дж.Э. Стиглиц полагают, что бюрократы стремятся увеличить размер своего учреждения в точном соответствии с теорией фирмы, призывающей максимизировать управленческую функцию полезности. В число переменных функции полезности бюрократа входят заработная плата, приработок на службе, общественная репутация, власть, патронаж (покровительство), результаты деятельности учреждения, свобода

производить перемены и свобода управления учреждением⁷.

Поведение профессионального политика весьма похоже на деятельность государственного чиновника. Это сходство также отмечал Дж.М. Бьюкенен: «Политик выберет тот вариант решения из набора приемлемых для себя альтернатив, исполнение которого максимизирует его собственную полезность, а не полезность его избирателей. Такая возможность выбора является одним из основных побудительных мотивов политиков. В широком смысле слова, это их «политический доход», и он должен рассматриваться как часть общего вознаграждения за исполнение должностных обязанностей. «Политический доход» может быть, хотя и необязательно, превращен в денежный эквивалент»⁸.

Конкретизация институционального подхода достигается в концепции групповых интересов и групп давления, когда в теоретической модели снимаются две жесткие предпосылки: неподкупность законодателей и государственных служащих и равенство всех участников общественного выбора. О процедуре извлечения политической и бюрократической «ренты» (дохода) писал Дж.М. Бьюкенен⁹. Перспектива получения выгодных взяток, процентов или «побочного продукта» сделок непосредственно связана с величиной и сложностью государственного бюджета, с масштабом государственного присутствия в экономике. В процессе принятия бюджетных программ имеются обширные возможности для получения «презента» с производителей и фирм, чьи прибыли увеличиваются благодаря реализации этих финансовых проектов.

Бюрократия преследует собственную выгоду, сосредоточивая средства у себя в ведомствах. Централизация денежных источников усиливает социальный статус и распорядительные полномочия госаппарата. Государственные служащие лишь постольку содействуют развитию отечественной экономики, поскольку оно отвечает их личным стремлениям. Это проявление «естественной» заинтересованности человека в удовлетворении своих потребностей. Чем больше ресурсов распределяют по своему усмотрению чиновники всех уровней сверху донизу, тем больше зависимость общества от управленческой бюрократии и больше возможностей для неформальных, «теневых» экономических отношений¹⁰.

Совпадение интересов делает государственную бюрократию естественным союзником бюрократии частных корпораций. Между ними имеет место взаимодействие, сращивание. Наблюдается стирание граней между чисто бюрократическими, исполнительскими и политическими функциями. Политизация высшего слоя чиновничества способствует слиянию бюрократической верхушки с высшими управленцами корпораций. Типичным является факт, когда отслужившие свой

срок государственные служащие назначаются на ключевые посты частных корпораций, а высшие руководители из бизнеса приходят на казенные должности.

Это воспроизводство правящего политико-экономического слоя верно подмечено Ф.И. Шамхаловым: «В процессе постоянного перемещения служащих между бизнесом, политической сферой, администрацией государственного аппарата формируется ядро правящей элиты, включающее людей, которые свободно переходят от командных ролей в верхах одной из господствующих иерархий к подобным же ролям в другой иерархии или совмещают ключевые посты в разных сферах»¹¹.

Однако в экономической теории крайне редко и скупо разбираются мотивы поведения государственного аппарата как субъекта хозяйственной деятельности, который имеет свои специфические сословные интересы. Одним из объяснений подобного положения дел может служить идеологическое господство правящей бюрократии, поддерживаемое ее политико-экономической мощью. Говоря об идеологии бюрократии, Й. Шумпетер подчеркивал, что она, «помимо прочего, включает чисто идеологическое отрицание того факта, что ей присущ групповой интерес, который может влиять на проводимую ею политику. Это – первый пример влияния идеологии на анализ, первый, потому что под влиянием именно этой бюрократической идеологии сформировалась антинаучная привычка экономистов рассматривать государство как надчеловеческое учреждение, деятельность которого направлена на общее благо, и игнорировать реальные факты из области государственного управления»¹².

Развитие экономики идет по равнодействующей от столкновения и сочетания интересов государства и других участников хозяйственной деятельности. Каждый стремится укрепить занимаемые в соперничестве позиции. Многие экономические функции выполняются как государственным, так и частным предпринимательством. Кому достанется первенство, решают сила, преобладание коммерческих или политических соображений, национально-культурные традиции народа и конкретные исторические условия.

Исследование казенного предпринимательства предполагает использование методологии институционального подхода. Прежде всего, национальную экономику следует рассматривать как многоуровневую (многоукладную) систему, построенную по принципу пирамиды. В ней (снизу – вверх) присутствуют: 1) дорыночный сектор натурального домашнего хозяйства; 2) сектор индивидуальной трудовой деятельности и кооперативов; 3) мелкий и средний частнохозяйственный бизнес и розничная торговля; 4) корпоративный сектор, включая оптовую

торговлю, биржи и банковские учреждения; 5) государственный сектор.

Одновременное сосуществование различных социально-экономических систем говорит об их относительной самостоятельности и взаимной обусловленности. Каждый уклад имеет свои специфические механизмы хозяйствования, из которых складывается целостный механизм самонастройки всей национальной экономики.

Вышерасположенный уклад – «надстройка» – играет ведущую роль по отношению к нижестоящему в иерархической лестнице укладу. «Пирамидальная» концепция укладов позволяет объяснить взаимосвязь и соподчиненность интересов в отечественном хозяйстве. Между укладами выстраивается последовательная соподчиненность – иерархия, так как по мере укрупнения хозяйствующих субъектов растет их мощь, расширяется влияние на общественную жизнь. Чем солиднее предприниматель, тем легче ему получить кредит, научно-техническую и коммерческую информацию, пополнить материальные ресурсы, привлечь квалифицированные кадры. К экономическому господству добавляется политическое, ибо хорошо известно, что власть накапливается, как и деньги. Мелкие хозяева охватываются, контролируются и используются верхними звеньями экономики в интересах крупного капитала. Венчает пирамиду государство, которое опирается на самый сильный, передовой уклад.

К анализу тенденций развития государственного предпринимательства в «многоярусной» экономике можно применять категорию «парадигмы». Под парадигмой чаще всего понимают теоретические устои, которые господствуют в научных кругах на протяжении определенного исторического этапа. Встречается и более широкое толкование этого термина. В частности, американский философ Т. Кун воспользовался понятием парадигмы для периодизации научно-технических достижений, имея в виду сумму технико-производственных знаний и способы их практической реализации¹³.

Венгерский экономист Я. Корнаи предложил более общее понятие – «системная парадигма». Он пишет: «Парадигма – это долговременно существующий способ мышления научного сообщества. Сменяющие друг друга поколения изучают ранее созданную парадигму по учебникам. Это – критерий, которому отвечает *системная* парадигма. Она позволяет взглянуть на длительный исторический период и обеспечивает определенный круг исследователей интеллектуальным путеводителем, что и призваны делать парадигмы»¹⁴.

Автор перечисляет главные свойства системной парадигмы: системный анализ; охват всех обществоведческих наук; институциональный подход; историческое объяснение происходящего; политический либерализм и индивидуальный выбор; изучение перехода от системы к системе; вы-

явление недостатков функционирования системы; сравнение между общественными системами¹⁵.

Думается, что допустимо иное объемлющее воззрение. Хозяйственный механизм общества можно рассматривать как своеобразную хозяйственную парадигму: систему экономических знаний и практических навыков, образцов (примеров) поведения, стимулов и регуляторов воспроизводства, организационных форм, правовых, культурных, религиозных норм, идеологических установок. У каждого народа образуется свое сочетание частного почина и государственной регламентации, идеологии индивидуализма и соборности, почитания традиций и веры в здравый смысл. Оно формирует тип работника, трудовую этику, потребности, хозяйственное право, которые придают национальные особенности экономике. «Парадигмальный» подход позволяет учесть специфику течения отечественной истории.

Господствующие образцы хозяйственного поведения сводят воедино обособленные устремления различных людей, социальных групп, коммерческих предприятий и некоммерческих учреждений, государственных органов управления. Перечисленные субъекты вынужденно приспосабливаются к существующей экономической ситуации. В то же время они деятельно, соразмерно собственной мощи, видоизменяют условия хозяйствования, приближают грядущие структурные сдвиги в экономике, подготавливают очередные реформации экономической мысли и хозяйственных регуляторов. При этом возникает напряженность и зреют конфликты между социальными силами, благополучие которых связано с новоявленной или изживаемой системой ценностей.

Смена хозяйственных парадигм, как правило, сопряжена с коренной перестройкой отраслевой структуры экономики, когда освоение серии научно-технических достижений и передовых технологий создает перспективные сферы и формы организации предпринимательства. Межотраслевой перелив капитала направляет людей на открываемые рабочие места. Распределение занятости трудоспособного населения определяет интересы, идеологические предпочтения и расстановку сил социальных групп.

Проблему исторического развития экономических систем можно решать, используя методологию концепции больших циклов (длинных волн), которую сформулировал Н.Д. Кондратьев¹⁶. В основе больших экономических циклов лежат процессы перестройки всей социально-экономической структуры, охватывающие полувековой временной горизонт (45 – 60 лет). В теоретической модели длинных волн взаимодействуют несколько факторов: накопление капитала, динамика банковского процента, формирование и развитие рынков сбыта продукции, изменение расстановки сил различных стран на мировом рынке и пере-

дел сфер влияния в международном хозяйстве, действие социальных групп внутри отдельных государств, использование достижений науки и техники в производстве, функционирование денежной системы.

В рамках теории длинных волн возможно совмещение методологии динамических макроэкономических моделей и институционализма. С одной стороны, в ней заложены исходные предпосылки для анализа темпов и качества экономического роста или падения производства валового национального продукта, для исследования колебаний конъюнктуры различной периодичности и амплитуды, функционирования отдельных сфер хозяйства и их взаимосвязи, изучения государственного предпринимательства в этом «контексте».

С другой стороны, методология больших циклов позволяет свести воедино многие институциональные составляющие: отраслевую и социальную структуры, компоненты механизма равновесного регулирования экономики, образцы предпринимательского поведения, технологические, экологические и демографические факторы экономического развития, экономическую политику и т.д.

В рамках институционального подхода обретает свое место директивно-плановая система в качестве одной из возможных парадигм хозяйствования. Более того, изучение уникального исторического опыта СССР имеет непреходящее значение для общетеоретических постановок проблемы государственного предпринимательства точно так же, как практика Великобритании XIX в. для теории свободной конкуренции. Советская экономика – это своего рода «классика» казенного ведения дел.

Воспроизводственные циклы задают своеобразную форму развития общественных явлений. Оно протекает как процесс взаимодействия противоположных тенденций, попеременного преобладания каждой из них, где возможны спады и подъемы, своя периодичность. Такое видение позволяет понять не только колебания экономического роста, но и обратимость некоторых институциональных изменений, периодичность и закономерности развития предпринимательства за казенный счет. «Длинноволновое обрамление» помогает объяснять «переходные» состояния отечественного хозяйства, определять исторический вектор перестройки государственного предпринимательства и прочих социально-экономических институтов.

Обычно в стране наблюдается взаимодействие и достижение соответствия между состоянием хозяйственного механизма, соподчинением интересов социальных групп, соотношением частного и государственного предпринимательства, законодательным регламентированием экономической деятельности, а также динамикой колебаний конъюнктуры. Государство играет

решающую роль в формировании структуры и установлении порядка функционирования перечисленных компонентов социально-экономической сферы. Они составляют круг тех обстоятельств, к которым приспосабливается правящая власть и которые она приспосабливает к собственным нуждам.

Государственный аппарат выступает особым, самостоятельным субъектом в экономических отношениях с обществом, т.е. с прочими субъектами хозяйствования. Чиновные управленцы располагаются на вершине пирамиды социальной иерархии. К их узкому, привилегированному слою применима дефиниция «сливок» политико-экономической бюрократии, данная Ф. Броделем: «К этой крохотной группке стекается все: им принадлежат власть, богатство, значительная доля прибавочного продукта; за ними – право управлять, руководить, направлять, принимать решения, обеспечивать процесс капиталовложений и, следовательно, производства. Обращение богатств и услуг, денежный поток замыкаются на них. Ниже их находилось многоэтажное множество агентов экономики, тружеников всяких рангов, масса управляемых»¹⁷.

Хозяйственные отношения государства регламентируются нормами публичного и гражданского права. Пропорции между публично-правовой и гражданско-правовой деятельностью обуславливают структуру и размеры казенного предпринимательства, показывают объем ресурсов, присваиваемых и используемых им безвозмездно, с некоторой долей возмездности и за счет эквивалентного, товарно-денежного обмена. Границы распространения государственного хозяйствования очерчивают пределы, в которых допускается частное ведение дел.

Господствующее сословие утверждает юридические нормы, регулирующие хозяйственный оборот в стране. Государство не только выступает гарантом соблюдения принятых нормативных актов, но способно менять «правила рыночной игры», пренебрегая ради своей выгоды потребностями физических лиц и организаций. Правовое поле заключает субъектов экономики в отношения равенства или соподчинения.

Законотворчество дает возможность государственному аппарату определять социальную стратификацию – расслоение общества на группы по различным признакам: доходам, имуществу, профессиям и т.д., управлять социальной мобильностью – передвижением людей из одного слоя в другой, сооружать удобную социальную иерархию. Бюрократия сохраняет свою незыблемость, успокаивая конфликтующие силы, разрешая противоречия интересов социальных групп.

Правительство строит свои отношения с частными дельцами, казенными предприятиями и организациями, наемными работниками, всем населением, используя регламентируемые зако-

нодательством формы: бюджет, налоги, займы, кредитно-денежную эмиссию, процент по ссудам, заработную плату, доходы, прибыль, цены, обменный валютный курс, таможенные пошлины и т.п. Поименованные формы составляют хозяйственный механизм общества и механизм согласования многочисленных экономических интересов.

В «каркасе» социальной и институциональной структуры хозяйственного механизма развивается экономика страны, осуществляется казенное предпринимательство, складываются важнейшие макроэкономические пропорции и параметры. На пульсацию внутреннего рынка серьезно влияет работа «государственной машины» посредством текущего хозяйствования и переделки социально-экономических институтов.

Между динамикой конъюнктуры экономики страны, хозяйственным механизмом, правовыми нормами и образцами трудового поведения людей, социальной структурой и государственным предпринимательством существует тесная взаимозависимость. Экстраординарные изменения количества ресурсов, втягиваемых в оборот государственного сектора экономики, как правило, сопровождаются соответственными переменами в хозяйственном законодательстве, трудовой этике народа и его социальном расслоении, режиме функционирования регуляторов рыночного равновесия, конъюнктурных колебаниях и фундаментальных условиях общественного воспроизводства.

Социально-экономические преобразования могут быть постоянно возобновляемыми, кумулятивными. Так, реформирование бывает цикличным в случаях длительного, почти непрерывного, чрезвычайного расширения казенного предпринимательства. Преднамеренное значительное увеличение доли национальных хозяйственных ресурсов, поступающих в распоряжение казны, каждый раз побуждает «власти предержавшие» ограничивать доходы и имущественное владение граждан, подавлять интересы различных групп населения и перекраивать социальную структуру, ужесточать юридические кондиции для проявления частной хозяйственной инициативы, ухудшать действие рыночных регуляторов.

От размеров казенного предпринимательства зависят траектория и качество экономического роста страны. Ключевыми параметрами развития служат: пропорция между потреблением и накоплением в национальном доходе, норма централизованного изъятия хозяйственных ресурсов и характер их инвестирования или расходования. Чем активнее государственный аппарат вторгается в стихийное течение воспроизводственных процессов, тем весомее становится его роль в поддержании макроэкономической сбалансированности, тем слабее реализуются функции рыночной самонастройки хозяйства. Предприни-

мательская экспансия высших кругов бюрократии пресекается резким падением темпов роста или разрушением экономики.

Роль государства в российской истории трудно переоценить. Государственная власть была связующим самодовлеющим началом, объединившим множество народов на огромной территории. Государственность налагала свою печать буквально на все, в том числе и на хозяйственную деятельность. Забота о пополнении казны заставляла самодержавие оказывать содействие отечественной экономике, вынуждала считаться с ее объективными тенденциями.

Истоки российского государственного предпринимательства восходят к временам Петра I. Как писал М.И. Туган-Барановский, в Московской Руси, несмотря на значительное развитие крупной купеческой и мелкой розничной торговли, промышленность имела примитивный, кустарный характер, и сохранила бы его еще надолго, если бы на сцену не выступил новый фактор – государство¹⁸.

Казенное опекуновство крупной капиталистической промышленности было обыденным, естественным явлением в мировой практике. Меры Петра Великого имели успех благодаря подготовленности русской экономической почвы к современным формам промышленности¹⁹.

Движимым мотивом изменений в народном хозяйстве было геополитическое положение России. Раздвигать рубежи и осваивать территорию державы могла только власть, обладавшая военной и экономической мощью. Открытие больших фабричных предприятий обеспечивало и то, и другое. Они снабжали армию и флот всем необходимым для военных походов, вдобавок увеличивали торговый оборот и доходы населения, способствовали пополнению налоговых сборов казны.

О современном государственном предпринимательстве речь можно вести с 60-х гг. XIX столетия, когда после отмены крепостного права в России сложились условия для индустриализации на основе применения вольнонаемного труда. Комплекс реформ, проведенных императорской властью во второй половине XIX в., ускорил процессы назревавших социальных преобразований. Преимущественно натуральный крепостнический уклад стал разлагаться рынком и вытесняться капиталистическим производством. Наметился переход от аграрного общества к индустриальному.

Становление российского хозяйства шло в неразрывной связи с мировыми экономическими процессами. Развитые страны не только служили образцом для подражания, но и активно влияли на экономику России через международное разделение труда. Чтобы не потерять статуса одной из великих держав, России пришлось создавать собственную крупную промышленность.

На исходе XIX столетия М.И. Туган-Барановский верно подметил, что «и в новейшее время, как и при возникновении нашей фабричной промышленности при Петре I, русское правительство, поощряя рост фабричного производства, руководилось, главным образом, так называемыми «государственными» соображениями, т.е. стремлением увеличить платежные силы населения для пополнения государственного казначейства. Рост производительных сил есть единственно возможная опора политического могущества»²⁰. Экономические интересы крупных промышленных и торговых капиталистов играли важную, но второстепенную роль. Главным действующим лицом отечественной индустриализации было государство.

Также представляют интерес рассуждения С.И. Сметанина о том, почему в России возникло именно государственное предпринимательство. Автор считает, что централизованное государство сформировалось у нас до того, как естественным путем стало развиваться крупное товарное производство, до развития крупного частного предпринимательства. Поэтому государству самому пришлось заниматься предпринимательством для обслуживания казенных нужд. Частное предпринимательство было связано с государственным хозяйством, государственными интересами. Эта господствующая роль государства в промышленности усилилась в XVIII в., когда появилась посессионная, казенная мануфактура. Преодоление этой особенности российского предпринимательства началось с Екатерины II, но и ко времени Октябрьской революции господствующая роль государства в экономике сохранилась, что не могло не отразиться на дальнейших преобразованиях в организации хозяйства страны²¹.

Не оспаривая предыдущих суждений, можно предложить такое объяснение. Самодовлеющая роль государственного предпринимательства в российской экономике объективно обуславливалась спецификой исторического развития: высоким удельным весом натурального домашнего хозяйства в потреблении граждан, низкой производительностью общественного труда, невысокими денежными доходами и слабой покупательной способностью населения, неразвитостью рыночных институтов, ограниченностью торгового и денежного оборота, малыми резервами накопления капитала, относительным избытком природных компонентов производительных сил в сравнении с накопленными капитальными благами.

В современной истории индустриальной экономики России можно выделить три типа периодов развития государственного предпринимательства. Стабильно развивающееся, устойчивое государственное предпринимательство имело место после отмены крепостного права, в 1861 г., до начала Первой мировой войны в 1914 г., а также с момента окончания первой пятилетки и заверше-

ния, в основном, коллективизации крестьянства, в 1932 г., до развертывания рыночных реформ в 1989 г. Второй тип развития – чрезвычайная трансформация государственного предпринимательства – отмечался в годы Первой мировой и Гражданской войны до перехода к нэпу в 1921 г., когда происходило замещение частного предпринимательства казенным, и в 1989–1998 гг., когда государственное предпринимательство интенсивно преобразовывалось в частное ведение дел. Третьей разновидностью эволюции государственного предпринимательства была его реконструкция в годы нэпа, т.е. в 1921–1932 гг.

Чередование периодов длительных спадов и подъемов в российской экономике совпадало с колебаниями в тенденциях казенного предпринимательства, что свидетельствует об их тесной взаимообусловленности. Государственная власть уступала натиску объективного стечения обстоятельств и приспосабливалась к серьезным переменам конъюнктуры. В то же время правительственные мероприятия оказывали прямое влияние на пульсацию хозяйственной жизни страны, определяли размах и частоту конъюнктурных колебаний. Кроме того, высшее политико-хозяйственное руководство по собственному почину перекраивало систему рыночного регулирования, изменяло «правила игры» – правовые нормы и обычаи – в экономике. Всякий раз коренное обновление правительственной стратегии намечало перелом в долгосрочных тенденциях развития экономики. Реформации выполняли функцию «стрелок», переводивших хозяйство страны с «пути» повышательной волны конъюнктуры на «путь» понижательной волны и наоборот.

На протяжении рассматриваемого исторического периода прослеживалось закономерное чередование асимметричного, созидательного и разрушительного воздействия государственного предпринимательства на российское хозяйство. В периоды своего устойчивого функционирования государственное предпринимательство было инициатором и стабилизатором экономического роста страны, компенсируя среднесрочные колебания конъюнктуры бюджетными расходами. Созидательное воздействие государства на экономику приносило многолетний, положительный эффект, который сдерживался лишь ограничениями ресурсов. Напротив, экстраординарное, деструктивное давление правящей власти на хозяйство было более интенсивным, сжатым во времени и имело гораздо более высокие темпы негативных изменений. Радикальные перемены государственного предпринимательства сопровождались изменениями уровней и механизмов поддержания макроэкономического равновесия.

Периоды устойчивого функционирования государственного предпринимательства характеризовались рядом закономерностей

– повторяющихся при определенных условиях причинно-следственных связях. Правящая власть реализовывала стратегию индустриально-ориентированного экономического роста, усиливавшую ее финансовую мощь и социально-политическое влияние. Индустриализация страны повышала денежные доходы граждан и предприятий, увеличивала потоки налоговых платежей в бюджет. Экономический подъем консолидировал общество даже при подчинении интересов большинства населения выгодам корпоративного сектора.

Осуществление правительством долгосрочных, масштабных инвестиционных проектов расширяло емкость внутреннего рынка. Практика солидных государственных заказов содействовала становлению современной тяжелой индустрии в виде крупного, высококонцентрированного производства. Бюджетная система была приспособлена для перераспределения средств в отрасли группы «А» и отличалась преобладанием косвенного налогообложения, высоким удельным весом доходов от казенного производства, от использования государственных монополий и имущества, а также относительной независимостью от среднесрочных перепадов конъюнктуры. Высшее руководство страны сдерживало личные доходы людей, рост потребительского сектора в народном хозяйстве с целью высвобождения и инвестирования ресурсов в тяжелую промышленность гражданского и военного назначения. По тем же соображениям восстанавливался и порядок внешнеэкономических связей.

Периоды стабильного развития государственного предпринимательства в рамках одной хозяйственной парадигмы продолжались немногим более полувека (1861–1913 гг. и 1933–1989 гг.), т.е. были соизмеримы с длинными волнами. Они включали в себя фрагменты понижательных фаз больших циклов (общей протяженностью 25–30 лет), отличавшихся неустойчивым ростом, депрессивным состоянием экономики, и повышательные фазы больших циклов (в интервале 25–30 лет), демонстрировавших бурный хозяйственный подъем. Повышательные фазы были связаны с государственной поддержкой освоения нового технологического уклада, колонизации и урбанизации малообжитых территорий, массовых миграций населения в места создания дополнительных рабочих мест, с проведением денежных реформ в 1897 г. и в 1947 г.

Чрезвычайные трансформации (в 1914–1921 гг., 1989–1998 гг.) и реконструкция (в 1921–1932 гг.) государственного предпринимательства располагались на отрезках понижательных фаз длинных волн. Кризисное разрушение хозяйственной парадигмы предшествовавшего большого цикла шло параллельно с возникновением новых элементов равновесного регулирования экономики. Однако становление очередной парадигмы

хозяйствования и соответствующей модели государственного предпринимательства завершалось после восстановления положительной макроэкономической динамики и институциональных реформ.

Эволюция казенного ведения дел в отечественной экономике была сопряжена с существованием трех видов среднесрочных циклов: инвестиционных, дезинвестиционных и реконструктивных. Инвестиционные циклы отмечались в периоды стабильного развития государственного предпринимательства, поскольку нормально протекали процессы сбережения и вложения капитала. Так, в директивно-плановой системе хозяйства действовал специфический механизм генерирования инвестиционных циклов в условиях «естественного», хронического товарного дефицита. Степень дефицитности продуктов изменялась периодически: нарастала по мере подъема конъюнктуры и ослабевала с уменьшением инвестиционной нагрузки. Экономический рост замедлялся вместе с распространением недостатка товаров. Когда уровень диспропорций между спросом и предложением достигал критической черты, проводился всеобщий пересмотр цен, почти всегда в сторону повышения. После выравнивания рыночной ситуации начинался следующий цикл казенного инвестирования. Периодические пересмотры оптовых цен и тарифов – реформы – проводились в 1936, 1939, 1949–1955, 1966–1967, 1973–1974, 1982 гг. Они определяли среднесрочный ритм жизни российской экономики в течение полувека.

Реконструктивный цикл периода нэпа характеризовался «двухволновым» трендом – «подъем – спад». Отличием первой волны цикла было преимущественное инвестирование в элементы оборотного капитала при относительном избытке бездействовавших производственных мощностей. Восстановление государственной властью элементов прежней хозяйственной парадигмы, межотраслевых пропорций и экономический рост поддерживали друг друга. Вторая волна была следствием принудительного накопления, проводимого государственным предпринимательством.

Чрезмерное казенное инвестирование сопровождалось перестройкой и разрушением рыночных регуляторов и отраслевой структуры, замедлением хозяйственного развития.

Специфику исторического развития российской экономики в XX столетии предопределили два глубочайших кризиса. Оба они были сопряжены с существованием директивно-плановой системы хозяйства. Один кризис был спровоцирован участием России с 1914 г. в Первой мировой войне, продолжался до окончания Гражданской войны в 1920 г. и привел к становлению экономики советского, директивно-планового типа. Истоки другого кризиса обнаружились на исходе 80-х гг. в ходе «перестройки» централизованно управляемой, казенно-кооперативной экономики СССР в частно-государственное, конкурентно-рыночное хозяйство. Сравнение социально-экономических потрясений в начале и конце века позволяет лучше понять закономерности хозяйственного развития нашей страны.

Российские реформы конца 80–90-х гг. XX века имели много общих моментов с преобразованиями народной жизни периода 1914–1920 гг. Повторяемость событий показывает закономерности перехода от одной парадигмы хозяйствования к другой в условиях революционной ломки всех общественных устоев. Превышение государственным аппаратом допустимого, порогового воздействия на экономику сопровождалось ее деградацией и приводило к революционным трансформациям. Так было в обоих рассматриваемых системных кризисах. Анализ чрезвычайного бюджетного финансирования позволяет понять динамику преобразований хозяйственного строя державы.

Об изменениях государственного бюджета России в годы войны по сравнению с мирным, предвоенным периодом говорят данные табл. 1. Если в 1914 г. правительство успешно справилось с военными расходами, то в 1915 г. состояние казенных финансов стало критическим. В 1916 г. затраты царской власти на войну превысили пороговый уровень. После этого началось разрушение бюджетной сферы, и функционирование отечественной экономики перешло в режим деградации и распада.

Таблица 1

Основные финансовые и кредитно-денежные показатели России в 1911–1917 гг., млн руб.

Бюджетные показатели	1911	1912	1913	1914	1915	1916	1917
Обычные доходы	2952	3106	3240	3521	2898	4154	–
Обычные расходы	2536	2722	3012	3302	3408	4236	–
Чрезвычайные доходы*	–	–	–	1438	10302	9566	–
Чрезвычайные расходы	310	449	238	1656	8815	14553	40000
Сальдо	106	-65	-10		977	-5069	–
Количество наличных денег в обращении (на конец года)	2100	2244	2393	3675	6397	9992	28378
Среднегодовой индекс оптовых цен (1910 = 100 %)	101,6	107,9	107,0	108,1	139,1	217,2	720,1

*Внутренние и внешние займы, средства банков, правительственных и общественных учреждений ²².

На основе статистических данных можно приблизительно оценить параметры предельной нагрузки расходов на бюджетные ресурсы. В 1916 г. непокрытый кассовый дефицит российского бюджета превысил величину обычных доходов от налогов, пошлин, государственных регалий, имуществ и т.п. Этот факт допустимо интерпретировать как переход в новое качественное состояние государственных финансов.

Другим параметром, характеризующим финансовую ситуацию в экономике, можно считать отношение бюджетного дефицита к сумме валового национального продукта (дохода). Величина последнего в 1916 г., по экспертным оценкам²³, составляла 80–90% от довоенного уровня в 16 млрд рублей золотом²⁴. Скорректированный по индексу оптовых цен ВВП в 1916 г. исчислялся в интервале 27,8–31,2 млрд бумажных рублей. Следовательно, отношение «чистого» дефицита государственного бюджета к ВВП составило 16,3–18,2%, а отношение всех необеспеченных традиционными финансовыми ресурсами расходов к ВВП составило 46,9–52,6%.

На финансирование военных нужд обычных доходов не хватало, поэтому царское правительство активно использовало внутренние и внешние займы, эмиссию денежных знаков. В 1916 г. уже

средств государственного кредита оказалось мало для оплаты военных нужд, и выпуск необеспеченных денег превратился в важнейший источник казенных расходов.

В этих условиях извлечение ресурсов при помощи эмиссии зависело от третьего параметра – соотносительной динамики количества денег в обращении и цен. В 1916 г. темпы роста оптовых цен сравнялись с темпами роста наличной денежной массы и перегнали их. Эффективность эмиссионных операций заметно снизилась, а кризисное падение экономики ускорилось.

Количественные изменения в экономике достигали пороговых значений и вызывали трансформации хозяйственного механизма, социальной структуры, динамики конъюнктуры. Узловым пунктом оказалось запредельное увеличение бюджетных расходов в 1916 г. Переступив этот «порог», самодержавие подорвало собственную финансовую базу и «пустило под откос» экономику России. Процессы ее разрушения стали необратимыми на протяжении нескольких лет. По схожему сценарию развивался революционный кризис в СССР 70 лет спустя. Макроэкономические параметры перехода от директивно-плановой экономики к рыночному хозяйству на рубеже 80–90-х гг. отражены в табл. 2²⁵.

Таблица 2

Основные финансовые и кредитно-денежные показатели СССР в 1985–1990 гг. и России в 1991–1992 гг., млрд руб.

Показатели	1985	1986	1987	1988	1989	1990	1991	1992
ВВП	777,3	799,1	825,9	875,5	938,7	958,2	1300,1	18086,0
Бюджетные								
доходы	367,7	366,0	360,1	365,1	384,9	410,1	316,4	5693,8
расходы	386,0	415,6	429,3	445,9	465,1	485,6	731,5	9754,5
кассовый дефицит	18,3	49,6	69,2	80,8	80,2	75,5	415,1	4060,7
наличные деньги в обращении (M_0)	70,7	72,7	77,6	85,8	100,4	122,7	126,1	940,5
денежная масса в обращении (M_2)	377,0	393,2	439,4	502,5	575,4	663,1	750,2	4087,4
Индекс оптовых цен промышленности, %	100,0	101,0	101,5	102,4	104,1	107,3	255,3	5231,0
Индекс потребительских цен, %	100,0	101,3	102,8	103,6	106,5	113,8	305,0	7954,0

Финансовая опора правительства М.С. Горбачева – Н.И. Рыжкова начала расшатываться «антиалкогольной кампанией» в 1985 г. Сокращение притока акцизных налогов от продажи виноводочной продукции резко снизило обычные доходы государственного бюджета. Развертывание в неблагоприятной обстановке инвестиционной политики «ускорения» и переоснащения машиностроительного комплекса вызвало хронический дефицит в казенных финансах. Его усугубили расходы на ликвидацию последствий Чернобыльской аварии и землетрясения в Армении, падение доходов от экспорта энергоносителей и пр.

Кассовый разрыв между расходами и доходами государства возрастал абсолютно и в отношении к валовому внутреннему продукту. Бюджетная недостача покрывалась, в основном, привлечением кредитных ресурсов. Расплатой за финансовую экспансию было увеличение количества денег в обращении – агрегатов M_0 и M_2 , а также «ползучий» рост цен и обострение товарного дефицита в стране. Но такая ситуация еще была терпимой.

Чрезвычайное положение в финансовой сфере СССР возникло в результате действий руководства РСФСР во главе с Б.Н. Ельциным по переводу

крупнейших предприятий союзного значения под юрисдикцию России с одновременным снижением ставки налога на их прибыль. Возникший бюджетный дефицит восполнялся за счет кредитной эмиссии Госбанка СССР и Центрального банка России. Решающий перелом произошел весной 1991 г., когда предприятия, обеспечивавшие большую часть доходов единого бюджета Советского Союза, получили статус российских и прекратили перечислять в него налоги²⁶. Участь руководства державы во главе с М.С. Горбачевым и единого государства СССР была предрешена.

В 1991 г. размеры кассового дефицита бюджета превысили пороговый уровень по анализируемым параметрам. Сумма дефицита стала больше абсолютной величины обычных доходов консолидированного бюджета. Совокупный дефицит российского бюджета и части союзного бюджета, приходившийся на территорию России, достиг отметки 31,9% российского ВВП, хотя до этого времени указанное соотношение (в целом по стране) не выходило за рамки 10%. Кроме того, темпы роста индексов оптовых и розничных цен обогнали темпы роста обоих показателей денежной массы. Перешагнув за «порог дозволенного» в бюджетном финансировании, правящая власть во главе с Б.Н. Ельциным отправила нашу экономику «по стопам» военно-коммунистического периода, к всеобщей деградации и распаду.

В обоих исследуемых системных кризисах предпринимательская экспансия высших кругов бюрократии, пройдя ряд этапов, пресекалась пороговым разрушением экономики, за которым следовала утрата финансового могущества государственного аппарата. Наступала пора стабилизации казенного финансирования и создания предпосылок восстановления российского хозяйства.

Так, в 1920 г. иссяк последний источник финансового господства большевиков, позволявший проводить разрушительную, военно-потребительскую экономическую политику. Государственный аппарат оказался неспособным собирать требуемое количество ресурсов с помощью продовольственной и сырьевой разверстки. Развал «натуральной» бюджетной системы стал поворотным пунктом к нэпу – политике возрождения производительных сил страны.

Точно так же, как и поведение большевиков в период Гражданской войны, осуществление рыночных реформ 90-х гг. XX в. определялось целями и интересами правящей политико-хозяйственной элиты. Объективную необходимость реорганизации директивно-плановой системы в современное рыночное хозяйство властвующая номенклатура использовала для собственной выгоды. Она постаралась максимально превратить государственное предпринимательство в зону своего частного (группового) бизнеса, т.е. присвоить как можно больше государственной

собственности и доходов от нее, а также воспользоваться прочими каналами поступлений средств в бюджетные фонды.

Знание мотивов поведения обремененных властью и имевших доступ к производственным и денежным ресурсам людей позволяет понять логику проводившихся ими преобразований хозяйственного строя России. Громадные размеры и доходы отечественного казенного предпринимательства в конце 80-х гг. объясняют силу и быстроту, с которой оно разрушалось и превращалось в сферу обслуживания частных интересов. Поэтому вполне «нормальным» выглядит выбор политико-экономической верхушкой «шоковой терапии» – скоротечного варианта проведения рыночных реформ.

Современные преобразования отечественного хозяйства осуществлялись в несколько этапов. Первым шагом стала «либерализация» цен в начале 1992 г. В условиях гиперинфляции правительство фактически отказалось индексировать денежные вклады населения в сберегательных кассах (банках), заработную плату, пенсии, социальные пособия. Так госаппарат сбросил с себя бремя прежнего внутреннего долга и заметно облегчил прочие бюджетные расходы.

Ближайшим последствием ограничения государственных расходов стало стремительное ускорение спада производства валового внутреннего продукта и сжатие потребительского спроса работников бюджетной сферы. Сокращение объемов производства на предприятиях влекло за собой снижение занятости и доходов их работников. Оскудение покупательского спроса ударяло по производителям, делая «ненужными» многие товары, сужая рынки сбыта. Ситуация «перепроизводства» вновь заставляла сокращать выпуск продукции и открывала движение по очередному порочному кругу. Непрерывное падение производства и доходов уменьшало базу налогообложения и сокращало государственные финансы.

При снижении объемов и эффективности производства увеличение доходов одной части общества происходило за счет их сокращения у всех остальных. Обильными источниками обогащения нового привилегированного социального слоя в условиях специально созданного дефицита денег были эмиссионный доход от получения льготных кредитов Центрального банка и добавленная при продвижении от производителей к покупателям наценка.

Второй этап реформирования был связан с приватизацией объектов собственности. Кампания, проводившаяся в 1992–1994 гг. под лозунгом «народной приватизации», позволила присвоить солидную часть национального богатства узкой группе предприимчивых лиц, а большинство населения лишилось прав на созданное ранее общенародное имущество.

Одновременно на волне спекуляций ваучерами и акциями приватизируемых предприятий выстраивались и обваливались «финансовые пирамиды», приносившие их создателям огромные барыши за счет средств миллионов обманутых вкладчиков.

Политика приватизации вызвала хаос в отношениях собственности и трансформировала стереотип предпринимательского поведения. Утрата ответственности за вверенное имущество подвигла многих руководителей к его хищению, инициировала разворовывание многих ранее эффективных предприятий. Возможность быстрого получения доходов за счет присвоения казенного имущества и последующей его спекулятивной перепродажи ориентировала энергичных предпринимателей на раздел имевшегося общественного богатства, а не на производство новых благ и удовлетворение потребностей рынка.

Передел собственности вносил дезорганизацию в производственную деятельность, разрывал традиционные хозяйственные связи

предприятий, увеличивал их затраты на торговые операции. Одновременно сокращались денежные ресурсы реального сектора экономики. Предприятия теряли свои оборотные средства, «проедали» основной капитал. Денежная масса перетекала в сферу финансовых спекуляций, где поддерживалась очень высокая норма доходности сделок с иностранной валютой, акциями приватизируемых предприятий, государственными ценными бумагами. Демонетизация экономики порождала кризис взаимных неплатежей и обостряла бюджетный кризис.

Российский капитал не только перетекал из производственной сферы и сбережений граждан в спекулятивные операции, но и в значительной части вывозился за рубеж, истощая резервы инвестиций, ускоряя падение объема ВВП. Потери отечественного хозяйства от экспорта капитала, по экспертным оценкам, составили в 1992–1998 гг. почти 570 млн руб., в ценах 1990 г. Удручающие структурные изменения макроэкономических параметров наглядно представлены в табл. 3.

Таблица 3

Основные финансовые показатели России в 1992–2000 гг., млрд руб. (в ценах 1990 г.)²⁷

Показатели	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
ВВП	519,7	473,7	413,1	370,6	368,7	387,2	356,9	368,8	410,7
Валовое сбережение	210,1	137,6	79,0	93,0	78,0	83,7	68,0	99,2	138,0
Валовое накопление	- 39,0	5,9	0,0	38,7	28,6	88,2	57,8	56,5	72,4
Чистый экспорт капитала	249,1	131,7	79,0	54,3	49,4	- 4,5	10,2	42,7	65,6
Доходы бюджета	145,7	137,4	116,1	105,1	96,0	111,2	89,4	94,1	122,0
Расходы бюджета	163,2	159,3	155,2	117,0	112,2	131,2	109,6	97,5	114,0
Профицит (+), дефицит (-)	- 17,5	- 21,9	- 39,1	- 11,9	- 16,2	- 20,0	- 20,2	- 3,4	+ 8,0
Внутренний государственный долг	-	0,55	7,14	18,43	40,75	60,13	50,23	20,95	10,76
Привлечение средств в бюджет от продажи ГКО, ОФЗ	-	0,55	3,84	6,45	6,05	5,11	- 6,56	- 5,26	- 4,24
Расходы на обслуживание государственного долга	-	-	-	-	7,66	6,47	19,39	14,73	16,09

Третий этап «доморощенной либерализации» охватывал 1995–1998 гг. Он характеризовался втягиванием государственного бюджета, сбережений населения и денежных ресурсов производственной сферы в «пирамиду» государственного долга. На протяжении трех лет действовала узаконенная система казнокрадства, перераспределявшая расходы федерального бюджета в пользу оплаты сверхвысоких процентов по обязательствам государственного долга.

Продуманная финансовая политика была важнейшим условием сооружения «пирамиды» казенных долговых обязательств. Властные структуры почти полностью лишили государственный бюджет ряда традиционных источников дохода: государственной монополии на оборот алкогольных напитков, прибыли государственных предприятий, дивидендов от пакетов акций и облигаций коммерческих структур, таможенных пошлин на вывоз необработанного сырья и других форм изъятия природной ренты, поступлений от

продажи приватизируемого имущества и пр. Эти доходы, минуя «карман» государства, попадали в частные руки.

Искусственно пробитые в бюджете бреши «реформаторы» закрывали при помощи выпусков ГКО и ОФЗ, быстро наращивая государственный долг, заимствуя деньги под двух- и трехзначные проценты. Для обслуживания оборота своих ценных бумаг правительство намеренно сокращало затраты на социальные нужды. Так сводился баланс доходов и расходов бюджета. Правящая политико-экономическая элита практически ограничила заботы финансовых ведомств выкачиванием налогов из производственной сферы и населения ради сверхприбылей «пирамиды» ГКО и ОФЗ.

Но политика непомерного изъятия казенных ресурсов в интересах финансовой «олигархии» не могла продолжаться бесконечно, поскольку она лишь увеличивала долговое бремя. С 1997 г. ежемесячные расходы на погашение и обслуживание внутреннего долга превышали все налоговые поступления в федеральный бюджет. Официально признанный 17 августа 1998 г. крах финансовой «пирамиды» государственных краткосрочных обязательств вместе с решением Центрального банка о замораживании валютных операций капитального характера и девальвации рубля означал банкротство государства, которое стало закономерным итогом «военно-коммунистической» политики либералов. Пришло время финансовой стабилизации.

Обе полосы радикальных преобразований государственного предпринимательства в начале и конце XX века представляли собой многолетний социально-экономический кризис, революционную ломку общественных устоев. Закономерный характер институциональной и макроэкономической деградации проявлялся в следующем.

Воспроизводственные процессы в эпоху военного коммунизма и в годы либеральных реформ Б.Н. Ельцина представляли собой дезинвестиционные циклы, состоявшие из нескольких этапов деградации хозяйства и государственного предпринимательства. В это время происходило изъятие капитала из реального сектора экономики и осуществлялось инфляционное обесценивание сбережений и доходов граждан.

Дезинвестиционные циклы начинались с создания политико-хозяйственной бюрократией запредельного дефицита казенных финансов. Покрытие непомерных бюджетных расходов запускало механизм самовоспроизводящегося кризиса: чем активнее государственный аппарат пытался решать свои финансовые проблемы, отбирая ресурсы у массы населения и предприятий, тем больше разрушалась экономика, тем сильнее преобразался механизм ее регулирования и способы воздействия на нее правящей власти. Чем активнее государственный аппарат вторгался в

«естественное» течение воспроизводственных процессов, тем весомее становилась его роль в поддержании макроэкономической сбалансированности, тем слабее реализовались функции рыночной самонастройки хозяйства.

Наблюдалась соподчиненность кризисных процессов в различных областях экономики. Деградации вначале подвергались наиболее зависимые от государственного предпринимательства сферы хозяйства: казенные финансы и кредитно-денежное обращение. Затем она охватывала оптовую торговлю и крупную, преимущественно обрабатывающую, промышленность и, в конце концов, затрагивала сельское хозяйство и розничную торговлю. Темпы спада производства увеличивались по мере повышения технического уровня отрасли. Наиболее тяжелое положение складывалось в инвестиционном комплексе.

Революционные трансформации экономики сопровождалась потерей примерно половины производственного потенциала страны, разрушением централизованной финансовой системы, деградацией денежного обращения (обесцениванием рубля, необеспеченной эмиссией денег, появлением денежных суррогатов, хождением иностранной валюты), аномальным распространением натурального товарообмена. Катастрофически ухудшались условия жизни людей: сокращалась численность населения из-за превышения смертности над рождаемостью; падал уровень доходов и потребления подавляющего большинства россиян; возникла массовая, хроническая безработица; происходил значительный отток за границу высококвалифицированных кадров.

Системные кризисы характеризовались закономерным институциональным упадком. Изменялись основы государственности: держава рассыпалась на самостоятельные государственные образования, разрывалось единое хозяйственное пространство; происходила смена политического правления страной и новый слой политико-экономических управленцев занимался переделом национального богатства в своих интересах. При экспроприации бывших собственников (национализации и приватизации) резко ухудшалось использование имущества в хозяйственных целях, происходила утрата капитала в сфере реальной экономики. Модифицировались образцы предпринимательского поведения: предприятия в массовом порядке продолжали убыточное производство продукции. Их руководство было озабочено не столько получением прибыли, сколько поддержанием жизнеспособности хозяйственных комплексов, доходов директората и занятости работников. Действовала устойчивая мотивация к свертыванию производственной деятельности предприятий.

Инициатором обеих российских «перестроек» были различные слои правящей политико-экономической бюрократии (высшего эшелона

госаппарата и главных управленцев корпоративного сектора). Они были ведущими дезорганизаторами, ибо в своих интересах занимались развалом нашего общества и хозяйства, используя механизм бюджета. Однако нарастающая волна качественных макроэкономических и институциональных изменений лишала политико-хозяйственное руководство остатков финансовой мощи и вынуждала менять предпринимательскую стратегию. Пороговые социально-экономические разрушения вынуждали «организаторов» системных кризисов прекращать эту бесперспективную политику и приступать к оздоровлению государственных финансов и возрождению отечественного хозяйства.

Изучение закономерностей эволюции государственного предпринимательства имеет прикладное, прогностическое значение. Оно позволяет выдвигать гипотезы о возможных тенденциях развития отечественной экономики. Так, наличие общих закономерностей социально-экономических трансформаций в годы военного коммунизма и в период рыночного реформирования российского хозяйства в конце XX века дает основание предположительно определить место нынешнего исторического этапа по аналогии с эпохой нэпа. В частности, не исключено, что в ближайшие годы нас ожидает (с учетом новых исторических реалий) смена ориентиров в правительственной политике, перевод ее в реконструктивный режим и повторение восстановительного тренда «нэповского» цикла конъюнктуры.

Примечания

- ¹ *Витте С.Ю.* Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанных Его Императорскому высочеству великому князю Михаилу Александровичу в 1900–1902 гг. СПб., 1912. С. 416.
- ² Там же. С. 449.
- ³ Там же. С. 417.
- ⁴ *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990. С. 660, 661.
- ⁵ Там же. С. 599.
- ⁶ *Бьюкенен Дж.М.* Сочинения // Нобелевские лауреаты по экономике. М., 1997. Т.1. С. 413.
- ⁷ *Аткинсон Э.Б., Стиглиц Дж.Э.* Лекции по экономической теории государственного сектора. М., 1995. С. 425.
- ⁸ *Бьюкенен Дж.М.* Указ. соч. С. 408.
- ⁹ Там же. С. 410.
- ¹⁰ С.И. Сметанин пишет о существовании «теневой экономики» в России уже в XVI в.: «Административная система управления экономикой уже тогда порождала «теневую экономику», когда люди, оказавшиеся в ее сфере, использовали ее для организации собственного предпринимательства» (см.: *Сметанин С.И.* Особенности промышленного предпринимательства в России XVI–XVII вв. // Традиции и опыт российского предпринимательства: История и современность. Волгоград, 1997. С. 17).
- ¹¹ *Шамхалов Ф.И.* Государство и экономика: основы взаимодействия. М., 2000. С. 112.
- ¹² *Шумпетер Й.* История экономического анализа: В 3 т. СПб., 2001. Т. 1. С. 44.
- ¹³ *Кун Т.* Структура научных революций. М., 1977. С. 11, 28.
- ¹⁴ *Корнаи Я.* Системная парадигма // Вопр. экономики. 2002. № 4. С. 6.
- ¹⁵ Там же. С. 10–12.
- ¹⁶ *Кондратьев Н.Д.* Большие циклы конъюнктуры // Вопросы конъюнктуры: В 2 т. М., 1925. Т. 1. Вып. 1.
- ¹⁷ *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: В 2 т. Т. 2. Игры обмена. М., 1988. С. 469.
- ¹⁸ *Туган-Барановский М.И.* Русская фабрика в прошлом и настоящем: В 2 т. Т. 1. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. 7-е изд. М., 1938. С. 13.
- ¹⁹ Иное мнение высказывает С.И. Сметанин, предлагая считать XVI–XVII вв. начальным периодом российского предпринимательства; потому что с этого времени до нас дошли сведения о крупных производственных объектах, которые принято называть предприятиями. Первой и главной особенностью отечественного предпринимательства было его рождение в форме государственного предпринимательства (см.: *Сметанин С.И.* Указ. соч. С. 16).
- ²⁰ *Туган-Барановский М.И.* Указ. соч. С. 457.
- ²¹ *Сметанин С.И.* Указ. соч. С. 18, 28.
- ²² Рассчитано по данным: *Вавилин И.П.* Иностраннный капитал в России. Л., 1925. С. 35; *Пасвольский Л., Моультон Р.* Русские долги и восстановление России. М., 1925. С. 61; Статистический ежегодник на 1914 год. СПб., 1914. С. 356, 357, 358, 359, 468, 617; *Первушин С.А.* Хозяйственная конъюнктура: Введение в изучение динамики русского народного хозяйства за полвека. М., 1925. С. 166, 221; *Юровский Л.Н.* Денежная политика советской власти (1917–1928). М., 1928. С. 12, 16, 71.
- ²³ Показатели промышленного производства в 1916 г. по отдельным видам колебались в интервале 69–118% (см.: *Первушин С.А.* Указ. соч. С. 221). Валовой сбор зерна в 1916 г. составил 72% от среднего уровня 1909–1913 гг. (см.: *Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 126).
- ²⁴ *Юровский Л.Н.* Денежная политика советской власти (1917–1928). М., 1928. С. 12.
- ²⁵ Рассчитано по данным: *Илларионов А.* Попытки проведения политики финансовой стабилизации // Вопр. экономики. 1995. № 7. С. 22, 23, 25.
- ²⁶ См.: *Илларионов А.* Попытки проведения политики финансовой стабилизации // Вопр. экономики. 1995. № 7. С. 7.
- ²⁷ Рассчитано по данным: Российский статистический ежегодник. М., 2001. С. 279, 281, 529, 530, 539; *Ханин Г.И.* Альтернативные методы определения объема экспорта капитала из России // ЭКО. 2001. № 1. С. 26.